

ЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА АРИСТОТЕЛЯ*

В «Категориях» Аристотель пишет: «Из того, что говорится, одно говорится в связи, другое — без связи. Одно в связи, например: “человек бежит”, “человек побеждает”; другое без связи, например: “человек”, “бык”, “бежит”, “побеждает»¹.

То, что говорится без связи, делится Аристотелем на две разновидности: имя и глагол. В трактате «Об истолковании» он пишет: «Имена же и глаголы сами по себе подобны мысли без связывания или разъединения, например “человек” или “белое”. . . »² Имя в этом трактате определяется следующим образом: «Итак, имя есть такое звуко сочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает»³. Глаголу же дается такое определение: «Глагол есть [звуко сочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает. . . »⁴

Сосдинаясь друг с другом, имя и глагол образуют то, что Аристотель называет речью. Речь — это то, что говорится в связи. В общем виде речь определяется Аристотелем так: «Речь есть такое смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание; я имею в виду, например, что “человек” что-то, правда, обозначает, но не обозначает, есть ли он или нет; утверждение же или отрицание получается в том случае, если что-то присоединяют»⁵.

Имеется несколько разновидностей речи. Внимание Аристотеля привлекает в первую очередь высказывающая речь. Это та речь, которая как раз связана с утверждением и отрицанием: «Первая единая высказывающая речь — это утверждение, затем — отрицание»⁶. Что представляют собой утверждение и отрицание? «Утверждение есть высказывание чего-то о чем-то. Отрицание есть высказывание,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 05-03-03315а.

¹ Аристотель. Категории. 2, 1а 16–19.

² Аристотель.. Об истолковании. 1, 16а 13–14.

³ Там же. 2, 16а 19–21.

⁴ Там же. 3, 16б 6–7.

⁵ Там же. 4, 16б 26–31.

⁶ Там же. 5, 17а 8–9.

[отнимающее] что-то от чего-то»⁷. И утверждения, и отрицания могут быть как простыми, так и сложными: «К речам же относится, во-первых, простое высказывание, например когда что-то чему-то [приписывается] или что-то от чего-то [отнимается], а во-вторых, составленное из простых, например сложная речь»⁸.

Такова синтаксическая сторона учения Аристотеля о высказывающей речи. Что касается семантической его стороны, то в трактате «Об истолковании» читаем следующее: «Так что или утверждение, или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным»⁹. В «Категориях» Стагирит подчеркивает: «... всякое утверждение или отрицание, надо полагать, или истинно, или ложно; а из сказанного без какой-либо связи ничто не истинно и не ложно, например “человек”, “белое”, “бежит”, “побеждает»»¹⁰.

Только речь может быть либо истинной, либо ложной; ни к имени, ни к глаголу эти семантические понятия неприменимы. Они применимы и не ко всем разновидностям речи, а только к высказывающей речи. В трактате «Об истолковании» Аристотель пишет: «Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна»¹¹.

Но что разумет Аристотель под истиной и ложью? Обратимся к часто цитируемому отрывку из «Метафизики»: «... истину говорит тот, кто считает разъединеннос разъединенным и связано связанным, а ложное -- тот, кто думает обратно тому, как дело обстоит с вещами. Так вот, раз это так, то спрашивается, когда имеется или не имеется то, что обозначается как истинное или как ложное. Следует рассмотреть, что мы под ними разумеем. Так вот, не потому ты бледен, что мы правильно считаем тебя бледным, а, наоборот, именно потому, что ты бледен, мы, утверждающие это, говорим правду»¹². Понятно, что, когда мы говорим о связанном, тогда мы употребляем утвердительные высказывания, а когда говорим о разъединенном, тогда пользуемся отрицательными.

Казалось бы, данная цитата дает исчерпывающее представление о логической семантике Аристотеля. Однако дело обстоит и

⁷ Там же. 6, 17а 25-26.

⁸ Там же. 5, 17а 19-22.

⁹ Там же. 9, 18б 3-4.

¹⁰ Аристотель. Категории. 4, 2а 7-10.

¹¹ Аристотель. Об истолковании. 4, 17а 2-4.

¹² Аристотель. Метафизика. IX, 10, 1051б 4-9.

так просто. Внимательное ознакомление с текстами Аристотеля показывает, что понятия истинного и ложного он соединяет не только с понятиями связанного и разъединенного, но и с понятиями бытия и небытия.

Сосредоточим свое внимание прежде всего на понятии связанного и возьмем следующие примеры: (1) «Затмение Луны происходит потому, что Земля загораживает ее от Солнца»; (2) «Человек есть разумное живое существо, обитающее на суше»; (3) «Харон перевозит души умерших через реку Ахерон»; (4) «Козлоолень есть животное, соединяющее в себе свойства козла и оленя».

На первый взгляд, все четыре эти утвердительные высказывания, в соответствии с вышеприведенным отрывком из «Метафизики», должны быть признаны истинными. Ведь и в самом деле, лунные затмения происходят из-за того, что Земля время от времени занимает место в точности между Луной и Солнцем; человек действительно обладает разумом и является сухопутным живым существом; Харон — это, согласно древнегреческой мифологии, не кто иной, как лодочник, переправляющий души умерших людей через реку Ахерон в царство Гадеса; козлоолень опять-таки есть не что иное, как соединение в одном животном особенностей козла и оленя. Таким образом, в каждом из четырех наших высказываний связанным именуется то, что связано, а не разъединено, и, следовательно, каждое из них должно быть истинным.

Однако, согласно Аристотелю, первые два высказывания квалифицируются как истинные, а последние два — как ложные. Почему? Тут все дело в том, как Аристотель истолковывает понятия бытия и небытия. Если бы он интерпретировал их так, как это делает Парменид, то все четыре рассматриваемых высказывания действительно оказались бы истинными. Но Стагирит трактует бытие и небытие по-другому.

Как известно, Парменид учит, что «есть — бытие, а ничто — не есть»¹³. Это, наряду со всем прочим, означает, что небытие, или ничто, нельзя, строго говоря, выразить словесно и даже просто помыслить. Как только я что-нибудь выскажу или просто помыслю, так оно тут же объективируется и становится в некотором смысле существующим. Ведь, согласно Пармениду, мысль — это разновидность бытия, и поскольку не бывает мысли без предмета мысли,

¹³Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От этических космогонии до возникновения атомистики / Изд. подг. А. В. Лебедев. М., 1989. С. 288.

постольку и предмет всякой мысли — тоже бытие. Вот что сказано у Парменида: «То, что высказывается и мыслится, необходимо должно быть сущим»¹⁴.

Итак, по Пармениду, все, что мыслится, то некоторым образом существует. В этом смысле существуют и Харон, и Гадес, и кентавр, и козлоолень, и даже такие вещи, как деревянное железо и круглый квадрат. И само небытие, когда я думаю о нем или о нем говорю, становится объектом мысли и начинает определенным образом существовать, т. е. перестает быть небытием в подлинном, парменидовском, смысле слова. Подлинное небытие, по Пармениду, немислимо и невыразимо. Он заявляет категорически: «Этого нет никогда и нигде, чтоб не-сущее было. . . »¹⁵

Если возвратиться к нашим примерам, то, с точки зрения Парменида, они ничем не отличаются друг от друга в отношении их истинности. Поскольку Луна, Земля и Солнце мыслятся мною, постольку они существуют; поскольку человек и разумное сухопутное существо мыслятся мною, постольку они существуют; поскольку Харон, Ахерон и Гадес мыслятся мною, постольку они существуют; поскольку козлоолень мыслится мною, постольку и он существует. И так как в каждом из наших высказываний, как мы видели выше, связывается то, что связано, а не разъединено, то все они на равных правах истинны, а не ложны.

Так было бы и у Аристотеля, если бы он воспроизводил в своих сочинениях парменидовскую концепцию бытия и небытия. Но у него наблюдается другой подход к этим понятиям. Аристотеля не интересуют бытие и небытие, взятые в общем виде так, как они рассматриваются у Парменида. Ведь существуют различные виды бытия, и Стагирит переходит сразу к ним. Все согласны с тем, что между чем-то, существующим только в мысли, и чем-либо, существующим независимо ни от какой мысли, имеется кардинальная разница. Перед нами два различных вида бытия. Независимое от мысли существование, как правило, именуют реальным; существование чего-либо только в мысли по контрасту с ним можно назвать нереальным. Граница между данными видами бытия, как известно, не является четкой; нередко возникает неопределенность: трудно бывает сказать, реальное или нереальное существование имеет та или иная вещь. Нередки и ошибки в этом отношении: часто

¹⁴ Там же.

¹⁵ Платон. Софист. 258с.

нереально существующую вещь в течение долгого времени считают реально существующей и наоборот.

В рамках аристотелевской семантики очень важно отличать реально существующие вещи от вещей, реально не существующих. При этом Стагирит никогда не употребляет выражений: «реальное существование» и «нереальное существование». Реально существующие вещи он просто называет существующими, а то, что реально не существует, именуется несуществующим. Это обстоятельство всегда нужно иметь в виду всем тем, кто изучает тексты Аристотеля. Термины «бытие» и «небытие» у Аристотеля не совпадают по смыслу с терминами «бытие» и «небытие» у Парменида. Если у Парменида не бывает несуществующих вещей (все они в том или ином смысле существуют), то Аристотель смело говорит о несуществующих вещах. Например, для него Луна, Земля и Солнце, человек и сухопутное разумное существо — вещи существующие, а козлоолень — это несуществующая вещь.

Рассмотрим аристотелевскую семантику более обстоятельно. Во второй книге «Второй аналитики» читаем: «Но о некоторых вещах мы спрашиваем по-другому, например: есть ли или нет кентавр или бог? Здесь я имею в виду, есть ли нечто или нет вообще, а не о том, [например], бело ли оно или нет. А когда мы уже знаем, что нечто есть, тогда мы спрашиваем о том, что именно оно есть, например: что же есть бог или что такое человек?»¹⁶

Здесь высказано одно из основных положений теории познания и семантики Аристотеля: сначала нужно выяснить, существует ли та или иная вещь, и только тогда, когда будет установлено, что она существует, можно приступить к исследованию того, что она собой представляет. Если вопрос о существовании какой-то вещи остается нерешенным или если точно установлено, что она не существует, то попытки выяснить, что она собой представляет, лишены, с точки зрения Аристотеля, всякого смысла. В той же «Второй аналитике» он пишет: «Необходимо ведь, чтобы тот, кто знает, что такое человек, или что-либо другое, знал также, что он есть, ибо о том, чего нет, никто не знает, что оно есть (но [известно только], что означает [данное] слово или название, как если я, например, скажу “козлоолень”. Но что такое “козлоолень” — это знать невозможно)»¹⁷.

¹⁶ Аристотель. Вторая аналитика. II, 1, 89b 32–35.

¹⁷ Там же. II, 7, 92b 3–7.

Таким образом, по Аристотелю, сначала мы обязаны установить, что человек есть, что Луна есть, что Земля и Солнце существуют, и только после этого мы получаем право исследовать, что они собой представляют, что с каждой из этих вещей связано. Однако как установить, существует или не существует та или иная вещь? Вот что сказано об этом в «Метафизике»: «Но что такое бытие и небытие, истинное и ложное в отношении вещей несоставных? Ведь бытие здесь не составное, так чтобы оно было тогда, когда имеется связь, а не-бытие — когда имеется разъединение, как, например, когда говорим, что “дерево бело” или “диагональ несоизмерима”; также и истинное и ложное бывает здесь не так, как в указанных выше случаях. И как истина здесь имеет не тот же смысл, что там, так и бытие. Истинное и ложное означают здесь следующее: истина есть удостоверение [как бы] на ощупь (*to thigein*) и сказывание (ведь не одно и то же утвердительная речь и сказывание), а когда нельзя таким образом удостовериться, имеется незнание. . . »¹⁸

Приведенный текст довольно-таки темен, но я думаю, что ему можно дать следующее истолкование. Удостовериться в существовании единичных предметов, таких как Луна, Земля, Солнце, Сократ, Каллий и т. п., мы можем непосредственно при помощи чувственного восприятия, «как бы на ощупь». Для этого в нашем распоряжении имеются органы осязания, зрения, слуха, обоняния и вкуса. Общая теория чувственного восприятия, как известно, изложена Аристотелем во второй и третьей книгах его трактата «О душе». Что касается общих предметов, таких как, например, человек или живое существо, то непосредственно удостовериться в их существовании мы можем, по-видимому, при помощи нуса, или ума. О том, что такое нус, можно прочесть в девятнадцатой главе второй книги «Второй аналитики».

Удостоверившись в существовании чего-либо, мы способны выразить это обстоятельство словесно. Удостоверившись в существовании Луны, мы можем сказать: «Луна есть»; удостоверившись в существовании Земли, мы скажем: «Земля есть»; удостоверившись в существовании человека, мы говорим: «человек есть». Ясно, что все эти утвердительные высказывания будут истинными, так как они фиксируют то, в чем мы так или иначе убедились. Но что это за высказывания? Они не совсем обычны. Обычные утвердительные высказывания, как мы видели выше, выражают какую-то

¹⁸ *Аристотель. Метафизика. IX, 10, 1051b 17-25.*

связь. Они выражают какую-то связь между подлежащим и сказуемым: «Сократ есть человек», «Человек есть живое существо» и т. п. А в тех высказываниях, которые мы только что сформулировали, не выражается связь между подлежащим и сказуемым. В них вообще нет сказуемого. В них имеются только подлежащее и связка «есть». Это «есть» в них, собственно говоря, уже и не связка, а слово, констатирующее то обстоятельство, что вещь, обозначаема подлежащим, существует: «Луна *есть*», «человек *есть*» и т. п.

Суждения, выражаемые такого рода высказываниями, носят в современной логике название суждений существования. И получается, что, согласно Аристотелю, когда мы судим о чем-либо, начинать надо с суждения существования. Прежде всего надо убедиться в том, что то, о чем мы судим, существует. Иначе говоря: надо сформулировать соответствующее утвердительное суждение существования и удостовериться в том, что оно истинно. После этого можно приниматься судить о том, что собой представляет то, о чем мы судим, и чего оно собой не представляет.

Итак, сначала мы говорим: «Луна *есть*», «человек *есть*» — и убеждаемся в том, что эти высказывания истинны. Затем «удлиняем» эти высказывания и говорим: «Луна *есть* то-то и то-то», «человек *есть* то-то и то-то», — после чего проверяем, истинны получившиеся высказывания или ложны. Так осуществляется то, на чем настаивает Аристотель: сначала мы узнаем о том, что нечто *есть*, и лишь затем о том, что оно *есть*.

Тут очень важно иметь в виду следующее: когда мы «удлиняем» вышеописанным образом высказывания, выражающие суждения существования, то слово «есть» приобретает при этом новую функцию — становится полноценной связкой. Но в то же время оно, согласно Аристотелю, не утрачивает своей прежней функции — констатировать существование того, что выражается подлежащим. Например, если мы говорим: «человек *есть* живое существо», то связка «есть» несет двойную нагрузку: во-первых, тут утверждается то, что человек определенным образом связан с живым существом, а во-вторых, то, что он *есть*, т. е. существует.

Убежденность Аристотеля в том, что связка «есть» в любом высказывании, состоящем из подлежащего и сказуемого, выполняет две указанные задачи, подтверждается следующим отрывком из «Категорий», каковой имеет ключевое значение для понимания сути семантики Стагирита. В десятой главе «Категорий» Аристотель разбирает четыре вида противоположаний. Из этих четырех видов

противолежаний нас будут интересовать только два: 1) противоположности, 2) утверждение и отрицание.

Аристотель пишет: «Правда, скорее всего нечто такое, казалось бы, бывает у противоположностей, о которых говорится в связи: ведь то, что Сократ здоров, противоположно тому, что Сократ болен. Но не всегда одно здесь необходимо истинно, а другое ложно. Если Сократ существует, то одно из них будет истинным, другое — ложным; а если его нет, то оба они ложны: ведь если вообще нет самого Сократа, неистинно и то, что Сократ болен, и то, что он здоров»¹⁹. И далее: «Что же касается утверждения и отрицания, то существует ли [вещь] или нет — всегда одно из них будет ложным, а другое истинным. Ибо ясно, что, если Сократ существует, одно из высказываний — “Сократ болен” и “Сократ не болен” — истинно, а другое ложно, и точно так же — если Сократа нет, ибо если его нет, то [высказывание] “он болен” ложно, а высказывание “он не болен” истинно. Так что только в тех случаях, где одно противостоит другому как утверждение и отрицание, имеется та особенность, что одно из них всегда истинно, а другое ложно»²⁰.

О чем говорит здесь Аристотель, можно понять, лишь приняв во внимание то двойное назначение связки «есть», о котором мы говорили. Начнем по порядку: «Сократ здоров» и «Сократ болен». Аристотель говорит, что если Сократ существует, то одно из этих высказываний будет истинным, а другое ложным. Это утверждение не вызывает сомнений. Так оно и есть: если Сократ существует, то базовое суждение существования «Сократ есть» является истинным, и тогда все зависит от того, как соотносятся друг с другом Сократ, здоровье и болезнь. Выяснить, как они друг с другом соотносятся, можно экспериментальным путем: если врач сообщает нам, что Сократ здоров, то, значит, Сократ и здоровье друг с другом связаны, а Сократ и болезнь — разъединены. И тогда высказывание «Сократ есть здоровый» окажется истинным, а высказывание «Сократ есть больной» — ложным. Если же врач обнаружит, что Сократ заболел, то высказывание «Сократ есть здоровый» будет ложно, а высказывание «Сократ есть больной» — истинно постольку, поскольку в этом случае Сократ и болезнь связаны, а Сократ и здоровье разъединены.

Перейдем к случаю, когда Сократа не существует. Аристотель

¹⁹ Аристотель. Категории. 10, 13b 13–20.

²⁰ Там же. 10, 13b 27–35.

утверждает, что в этом случае и высказывание «Сократ есть здоровый», и высказывание «Сократ есть больной» ложны. Это утверждение Стагирита не так уж очевидно. Почему сразу обе противоположности ложны тогда, когда Сократа не существует? Объяснение этому таково. Когда Сократа не существует, тогда базовое суждение существования «Сократ есть» оказывается ложным, и, что бы мы теперь к нему ни присоединили, все равно мы получим ложное высказывание. Если «Сократ есть» ложно, то ложным будет и «Сократ есть здоровый», и «Сократ есть больной», и любое другое утвердительное высказывание о Сократе. Такова семантика Аристотеля.

И вот как она проявляет себя тогда, когда мы переходим к утверждению и отрицанию «Сократ болен» и «Сократ не болен». Согласно Аристотелю, когда Сократ существует, тогда одно из этих высказываний истинно, а другое ложно. Это случай простой и очевидный. Базовое суждение существования «Сократ есть» тут истинно, и все сводится к экспериментальному выяснению того, болен или не болен Сократ. Здесь во всем почти полная аналогия с уже разобранным нами случаем: «Сократ болен» и «Сократ здоров».

Случай, когда Сократа не существует, гораздо интереснее. Аристотель говорит, что, когда Сократа нет, тогда высказывание «Сократ есть больной» ложно, а высказывание «Сократ не есть больной» — истинно. Тут концепция аристотелевской семантики прорисовывается очень четко и до конца. Базовое суждение существования «Сократ есть» в данном случае ложно, и, значит, из-за этого ложно и высказывание «Сократ есть больной», как мы уже видели выше. Но зато отрицание суждения «Сократ есть» является истинным. Иными словами, истинно суждение «Сократ не есть», и раз так, то автоматически истинным будет высказывание «Сократ не есть больной». Оно оказывается истинным исключительно в силу того, что истинно базовое отрицательное суждение «Сократ не есть». По этой же причине будет истинным любое отрицательное высказывание о несуществующем Сократе. Если Сократ не есть, то он не есть и больной, не есть и здоровый, не есть и белый, не есть разумный, не есть и человек, не есть и живое существо и т. д.

Подведем итоги. С точки зрения Аристотеля, все утвердительные высказывания о реально не существующих вещах ложны, а все отрицательные высказывания о них истинны. Таков общий вывод из всего вышесказанного.

Если вспомнить о изъятых нами ранее четырех примерах, то теперь уже совершенно ясно, почему, с аристотелевской точки зрения, первые два из них представляют собой истинные высказывания, а два последних — ложные. В первых двух примерах речь идет о реально существующих вещах, при этом опыт показывает, что в этих высказываниях связывается как раз то, что связано и в реальном мире. Поэтому они истинны. Что касается двух последних примеров, то ни Харон, ни козлоолень не относятся к числу реально существующих вещей. Как мы только что установили, в соответствии с аристотелевской семантикой любое утвердительное высказывание о не существующих реально вещах является ложным. Стало быть, и наши высказывания о Хароне и козлоолене являются ложными.

Аристотелевская семантика не так уж «безобидна». Положение о том, что все утвердительные высказывания о реально не существующих вещах ложны, а все отрицательные высказывания о них истинны, является весьма жестким. Допустим, например, что Сократа не существует, а я говорю: «Сократ есть Сократ». Согласно аристотелевской семантике, мое высказывание будет ложным: ведь Сократ вообще не есть, следовательно, он не есть и Сократ. А ведь высказывание «Сократ есть Сократ» — это не что иное, как экземплификат закона тождества. Что же, выходит, что, по Аристотелю, к не существующим реально вещам и законы логики неприменимы? Да, так оно и есть. В самом деле: в соответствии с его семантикой, высказывание «Сократ не есть Сократ» истинно ввиду того, что истинно высказывание «Сократ не есть». Получается, что Сократ не является Сократом, если он не существует в реальности. Значит, Сократ — это не Сократ в данном случае. А ведь здесь явное нарушение закона противоречия.

Следовательно, аристотелевское положение о том, что все утвердительные высказывания о реально не существующих предметах ложны, а все отрицательные высказывания о них истинны, равносильно запрету мыслить и говорить о том, что реально не существует. В самом деле: невозможно ведь мыслить и говорить о вещах, не подчиняющихся ни закону тождества, ни закону противоречия, ни закону исключенного третьего!

Можно, конечно, культивируя строго научное мышление, привыкнуть к жестким требованиям аристотелевской семантики. Но все же не раз подумаешь: а не обратиться ли к более мягкому варианту логической семантики, к той семантике, которая вытекает из

парменидовского учения о бытии и небытии? Парменид не противопоставляет так решительно, как Аристотель, реальное существование нереальному. Для него все вещи так или иначе существуют, все они причастны существованию, так сказать, «на равных». Но тогда ко всем вещам, как к реально существующим, так и к реально не существующим, в равной степени применимы законы логики. Парменид разрешает нам мыслить и говорить, о чем нам заблагорассудится.